

МИР СТРУГАЦКИХ

Сергей
ЛУКЬЯНЕНКО

Ярослав
ВЕРОВ

Игорь
МИНАКОВ

ОПЕРАЦИЯ «ВИРУС»

Мир Стругацких

Сергей Лукьяненко

Операция «Вирус». (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6я43

Лукьяненко С. В.

Операция «Вирус». (сборник) / С. В. Лукьяненко — «Эксмо»,
2018 — (Мир Стругацких)

ISBN 978-5-04-095628-9

Кто спас Ивана Жилина, когда он лежал в горячей ванне, одурманенный снотом? Был ли убит Лев Абалкин Рудольфом Сикорским? Что произошло с Максимом Каммерером в Островной Империи? Пришли ли людены на помощь человечеству, когда миру Полдня стала угрожать по-настоящему серьезная опасность? Сергей Лукьяненко, Ярослав Веров, Игорь Минаков в сборнике произведений, созданных по самому популярному Миру Аркадия и Бориса Стругацких!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6я43

ISBN 978-5-04-095628-9

© Лукьяненко С. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Ласковые мечты полуночи	5
Операция «Виррус»	12
4 июня 78 года	12
4 июня 78 года	13
5 июня 78 года	15
5 июня 78 года	16
Документ 1	21
7 июня 78 года	24
Документ 1 (продолжение)	29
9 июня 78 года	31
Документ 1 (окончание)	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Лукьяненко, Ярослав Веров, Игорь Операция «Вирус»

Ласковые мечты полуночи Сергей Лукьяненко

Я от того проснулся, что Рюг во сне тихонько завизжал. Вначале я вспотел, страх высыпал по коже ознобистыми пупырышками, потом раскрыл глаза и присел на кровати – спиной прижимаясь к стене, а руки выставив перед собой. Сна как в помине не было.

Но это был всего лишь Рюг. И визжал он так, понарошку, то ли приснилось ему что-то противное, то ли вспомнилось. В свете от окна его бритая макушка слегка поблескивала, и до меня сразу дошло, что мы не в моей комнате, и даже не у Рюга, а у русского Ивана.

Верите не верите, а мне как-то сразу легче стало. Я сидел, смотрел на блестящую голову Рюга и раздумывал, не намазать ли её зубной пастой, или фломастером написать какое-нибудь слово. Но тут Рюг дрыгнул ногой, сбрасывая одеяло, и тихонечко сказал: «Ой!» Не просыпаясь, конечно.

И мне сразу расхотелось над ним издеваться. Я встал, подошёл к двум составленным вместе креслам, на которых Иван постелил Рюгу, наклонился над ним и тихонечко подул в ухо. Это всегда помогает, я знаю, мне так Вузи делала, а я однажды проснулся, и увидел.

Рюг замер и задышал чаще.

– Дрыхни, – сказал я ему поглубже, но тихо. Чтобы Иван не услышал, что кто-то не спит, и чтобы Рюг во сне мою грубость почувствовал. Когда говорят ласково – это плохо. Это почти всегда опасность.

Рюг теперь нормально спал, наверное, я ему все плохие сны выдул.

Я подошёл к окну и посмотрел в сад. Было тихо, мамаша с Пети небось уже спали. Где-то далеко кричали про дрожку, привычно и скучно.

Вот только что-то было неправильно. Совсем-совсем неправильно, я это чувствовал и мучился, но никак не мог понять, в чём дело. На всякий случай решил подойти к двери в спальню Ивана и послушать.

Тут-то до меня и дошло.

За дверью тархтело, шипело, булькало. Негромко и совсем не страшно. Я облизнул губы, и покосился назад. Но Рюг сладко спал.

Стало так завидно, что я пожалел, что не разбудил его.

– Иван... – зачем-то сказал я.

Обидно было до слёз! Ну как же так! Почему?

Дверь к нам он запер, только всё это ерунда была. Объяснял же я ему, что двери нигде не запираются, а он... «на полчаса работы»... И забыл. Вот так всегда, стараешься, а тебе не верят!

Я немножко подёргал дверь, чтобы на той стороне с задвижки соскочил стопор. А потом повернул ручку, и дверь легко открылась. Мне всё-таки хотелось верить, что это полная ерунда, что мне примерещилось, и сейчас Иван от шума проснётся, вскинется на постели и громко спросит: «Лэн, что, не спится? Слушай, по ночам детям надо спать, а не пугать мирных постельцев!»

Но Ивана в спальне не было, конечно же. Потому что звук мне не померещился, шёл он из ванной, а ещё там шумела вода.

У меня ещё немножко оставалась надежда, что Иван не успел. Что он только раздевается, или сыплет в воду «Девон», или размышляет, стоит ли... Он же умный мужик, не какой-нибудь дрянь-человечек!

И я сиганул через всю комнату, чуть не налетев на кресло, которое Иван зачем-то оттащил к окну. Само окно было зашторено, и света в комнате было чуть-чуть – из холла да из щёлки плохо прикрытой двери в ванную.

Глупо это было, конечно. Как Вузи говорит иногда, приходя с вечеринки: «Ах, как хотелось обманываться!»

Лежал Иван в ванне, в горячей зелёной воде, от которой воняло «Девонем», голый, красный, с глупой блаженной улыбочкой на лице. Из полуоткрытого рта стекала слюна, тоже густо-зелёная, значит, все по правилам сделал, закусил «Девончиком». А приёмник стоял на полочке и радостно шипел.

Дело, конечно, не в том, что он шипит и булькает, про это каждый пацан знает. Это просто побочный эффект, а всё дело в волнах, которые слег излучают. Мне-то ничего, на детей, говорят, он почти не действует, даже если в ванну забраться.

А вот Ивану нравилось. Он то улыбался, то хмурился, то что-то бормотал неразборчиво.

– Иван, – сказал я зачем-то. Словно он мог меня сейчас услышать...

– Где Буба? Он мне срочно нужен... – тихо, но разборчиво прошептал Иван. Ему было сейчас хорошо и интересно.

А я смотрел на него, и мне было так паршиво! Словно со мной эта беда случилась!

Ну почему, почему именно Иван?

Надо было мне к нему пораньше подойти, до того как Рюг пришёл, ну, вместо того, например, чтобы в саду играть в спасателей из сериала «Марсианские пустыни», рассказать всё ещё раз, про то, что слег – это такая гадость, которую даже один раз нельзя пробовать, а то хуже мёртвого станешь, может, он и понял бы, но не мог же я всё растолковывать, когда взрослому пытаешься что-то рассказать, они никогда не верят, они же все – взрослые, они себя самыми умными считают, и попробуй переспорь, когда тебе только одиннадцать лет и ты ходишь в коротких штанишках и ешь кашу на завтрак, ничего бы я не смог, не поверил бы мне Иван и всё равно забрался бы в эту вонючую зелёную воду, а теперь стой, хлюпай носом, только Ивану уже всё равно, слишком много в нём любопытства и слишком мало терпения, любопытным быть просто, и лезть куда не надо – тоже, а быть терпеливым – трудно. Почему-то все думают, что если человек всё на свете хочет узнать и немедленно, то это здорово, а если он просто живёт себе спокойно, занимается своими делами, а в чужие не суётся, то он дурак, всё равно, десять ему лет или целых сорок, и не с Иваном первым так случилось, только он ведь и впрямь хороший, его жалко, он же не виноват, что хотел всё узнать и сразу, лучше бы он просто отдохнуть приехал, а не разнюхивать, тоже мне Джеймс Бонд фигов, он бы, может, был не таким хорошим, но был бы, а теперь его просто нет, мутная зелёная вода и мускулистое тело, вот и всё...

Я вздрогнул, потому что увидел: Иван чуть приоткрыл глаза. Только он смотрел не на меня, а сквозь, куда-то далеко-далеко, куда его утащил слег.

– Пиблбридж... – прошептал Иван. Помолчал немного и добавил: – Оскар...

Я даже всхлипнул, таким он был сейчас глупым и несчастным, со своим придуманным Оскаром Пиблбриджем, а ещё у него на груди были шрамы, значит, он воевал, а у меня отец тоже был военным, мама думает, что я его совсем не помню, только это неправда.

Конечно, мало ли как было, может, даже Иван и папа друг в друга стреляли, только на самом деле это не важно, война это война, а дружба это дружба, Иван ведь и впрямь старался быть моим другом, значит, не мог я его оставить гнить в зелёной воде...

Привстав на цыпочки я потянулся к полочке, хотел выключить приёмник, потом вспомнил, что это вредно, и просто закрыл подтекающий кран горячей воды. Когда ванна остынет,

Иван сам очнётся. Только я не хотел после этого с ним разговаривать, ничего уже нельзя было бы сделать, кончилось бы тем, что я разревелся бы...

На самом деле я и заплакал, выскочив в спальню, и долго стоял у окна, чуть раздвинув штору и глядя на луну, потом мне почудилось, что Иван уже очнулся и стоит за спиной, голый, страшный, с безумными глазами... Я повернулся и взвизгнул на всякий случай, но его там не было, конечно, слег так быстро не отпускает.

Тогда я подошёл к телефону и быстро, чтобы не передумать, нажал кнопку повтора. Номер набрался, и мне ответил скучный заспанный голос:

– Алло, отель «Олимпик»...

Такого я совсем не ожидал. И от растерянности бухнул первое, что в голову пришло:

– Соедините с Оскаром Пеблбриджем... пожалуйста...

В трубке помолчали немного, потом раздражённо сказали:

– Какой номер, мальчик?

Номера я не знал, и поэтому только всхлипнул и повторил:

– Пожалуйста... я один дома... пожалуйста.

Конечно, женщина разжалобилась и через полминуты переспросила:

– Оскар Пеблбридж? А ты не шалишь, мальчик?

– Нет, – сказал я.

– Соединяю, – сказали мне, и в трубке раздались долгие гудки. Я обрадовался тому, что угадал и что друг Ивана, Оскар, и впрямь жил в отеле, только ещё неизвестно было, в номере ли он...

– Да! – сказали громко и раздражённо.

Голос был неприятный, совсем не сонный, но раздражённый, и я заколебался.

– Опять... – произнёс человек куда-то в сторону, и я понял, что сейчас трубку бросят.

– Извините, пожалуйста, – громко крикнул я в телефон, – извините, вы знаете Ивана?

Наступила тишина, потом незнакомец вкрадчиво спросил:

– Знаю, а ты кто, мальчик?

Тут я сообразил, что, может быть, это вовсе не Оскар, и ответил вопросом на вопрос, хоть это и очень некультурно, меня мама всегда ругает за такое:

– А вас как зовут?

На той стороне провода приглушённо советовались, потом мужчина сказал:

– Я Оскар Пеблбридж. Кто ты? Откуда знаешь Ивана?

– Вы его друг? – поинтересовался я и решил, что если он скажет «да», то я нажму на рычаг.

– Как оказалось – да, – задумчиво ответил Оскар. – Честное слово.

У него вдруг в голосе прорезалось что-то от Ивана, и тогда я решился. Назвал адрес, объяснил, как войти, чтобы никого не разбудить, попросил приехать быстрее. Даже пятки у меня вспотели от страха, когда я это делал. Только что ещё оставалось, не врачей же вызывать?

Оскар помолчал, потом спросил:

– Можно я приеду с другом? Он хороший человек.

Я представил Ивана, какой он здоровый и сильный, и сказал:

– Ладно.

В ванную заглядывать я больше не стал, вместо того пошёл и разбудил Рюга. Он никак не хотел просыпаться, видно, ему снилось что-то хорошее, а когда проснулся и выслушал, то чуть меня не убил.

– Ты же говорил, он не такой! – возмущённо шипел Рюг, одеваясь. – Ты же... ты...

Понятно всё, конечно, у него отец слегач, но разве я виноват? Может, Рюг это и поймет к утру, но сейчас он завёлся.

– Я сматываюсь, – открывая окно, сказал он. Подумал и предложил: – Пошли, я знаю, где доспим...

Значит, не до конца на меня обиделся, раз с собой зовёт! Но я помотал головой. Больше всего мне хотелось, чтобы Рюг остался, но просить его толку не было.

Пока Рюг спускался по водосточной трубе, я смотрел в окно, а потом пошёл и снова заглянул в ванную. Я боялся, что Иван захлебнется, но ванна для него оказалась слишком мала, и голова торчала наружу. От воды уже пар не шёл, и видно было, что слег его отпускает.

– «Девон» на туалетной полочке – таблетку в рот, четыре в воду, – прошептал Иван. Я пулей вылетел в спальню, словно Иван и впрямь предложил слегка мне, а не своим глюкам. Уселся на подоконник – если что, то можно попробовать выскочить, и стал ждать.

Видел бы меня сейчас Иван! Насмехался, крысой мускусной обзывал... Ну и что теперь? Он, взрослый и смелый, лежит с открытым ртом, а я пытаюсь ему помочь, хоть и маленький... и трусливый, наверное...

Оскар со своим другом пришли минут через десять. Хоть я и знал, откуда они в дом войдут, но не смог их заметить. Только когда в дверь заскреблись понял, что уже в доме.

Ох и попало бы мне от мамы! А Вузи вообще бы шкуру спустила!

– Это кто? – спросил я через дверь.

– Оскар, – послушно ответили мне. Как в шпионском фильме, и я немножко успокоился.

С виду Оскар был мужик неприятный, лупоглазый, костлявый, светловолосый. Но вроде не слегач. С ним пришёл какой-то толстый старик с тростью и в тёмных очках, хотя была ночь. Они остановились на пороге и уставились на меня, Оскар держал одну руку в кармане, я понял, что там пистолет, и попятился.

– Ну-ну, – дружелюбно сказал старик. – Не бойся, Лэн. Ты храбрый мальчик. И очень помог Ивану.

– Ему уже не поможешь, – ляпнул я.

Старик и Оскар переглянулись.

– Мария... – негромко сказал Оскар старику, – я полагаю...

– А тебе не надо полагать, – отрезал Мария. – Лэн, дружок, если хочешь, то можешь позвать маму или сестру.

Я понял, что они уже всё про меня знают.

– Не надо, – сказал я. – Мне попадёт.

Мария понимающе кивнул:

– Где Иван?

– В ванной, – я даже удивился такому вопросу. Мария кивнул Оскару, и тот, не вынимая руки из карманов, пошёл к Ивану. А старик вздохнул, сел в кресло, задумчиво посмотрел на меня.

– Мальчик, скажи, Иван – хороший человек?

Я кивнул не раздумывая.

– Вот и я так думаю... – вздохнул старик и уставился в окно. В ванной пару раз звонко хлопнуло, словно кого-то били по щекам, потом послышалась невнятная ругань на незнакомом языке.

– Это же ничего не значит, – попытался объяснить я, косясь на дверь в ванную. – Хороший, плохой, а когда слег попробуют, то всё...

– Думаешь? – заинтересовался Мария.

Я промолчал.

– Неверное, было решение, – грустно сказал Мария. – Неверное... А как найдёшь правильное, не ошибаясь...

Из ванной показались Оскар и Иван. Оскар был весь в брызгах зелёной воды, злой и сосредоточенный. Иван, в одних брюках, мокрый и взъерошенный, казался пьяным. Он

посмотрел на меня, потом на Марию, без всякого интереса. Оскар уронил Ивана на кровать, тот присел, тяжело, словно куль с мусором, упёрся руками и тихонько хихикнул. Потом ещё раз. Старик молча смотрел на него сквозь чёрные очки, Оскар брезгливо отряхивал руки, но далеко не отходил.

– Это слег, товарищи! – торжественно сказал Иван, словно кому-то ещё не было ясно. – Это машинка, которая будит фантазию и направляет её куда придётся, а в особенности туда, куда вы сами бессознательно – я подчёркиваю: бессознательно – не прочь её направить.

– Понятно, – сказал Мария.

– Чем дальше вы от животного, тем слег безобиднее, но чем ближе вы к животному... – Иван уронил голову на грудь и замолчал. Потом уставился на старика с лёгким удивлением. Видно, отходить начал. – Я для вас не авторитет, – вяло продолжил Иван, – но найдутся те, кто поверит...

– Кто-то будет пытаться людей в тёмных подвалах, – мрачно сказал Мария. – Кто-то обнимать гурий в садах... – он покосился на меня и не закончил. – Да. А кто-то – спасти мир, побеждать слег и объяснять глупому начальству страшные тайны... которые начальство давно знает.

Иван ничего не понимал. В его фантазиях, наверное, тоже были Оскар, Мария, я, и сейчас его мечты так спутались с реальностью, что разделить их он не мог. Смотрел на нас, тёр переносицу, хватался за лоб, и молчал.

– Я виноват, – тоскливо сказал Мария. – Нельзя было тебя посылать, Иван. У тебя с Амальтеи остался этот комплекс... работать под самим Быковым – не шутка. И ведь знал же, что тебе захочется самому всё раскопать, но...

– Вы не виноваты, Мария, – сказал Оскар.

– Виноват! – рявкнул Мария. – Виноват! Иван всегда, всегда старался быть первым! А рядом оказывались такие титаны, что свободно было лишь последнее место! И в космосе, потому-то он и ушёл, и на войне, и в интернате, и в управлении. Вот и зрела мечта... оказаться лучшим.

– Я ничего не понимаю... – прошептал вдруг Иван. – Мария... вы же... Оскар... я вас чуть не убил, Оскар!

Старик покосился на меня.

– Ты иди спать, мальчик, – ласково сказал он. – Иди.

Я замотал головой.

Мария вздохнул. Достал из кармана слег, покрутил в руках.

– Вакуумный тубусоид, – быстро сказал Иван. – Он очень похож на супергетеродин. Понимаете? Случайно поменяли их местами, и всё! Надо же было так получиться, что они одинаковые! Роковая случайность!

Мария молчал. Оскар вдруг решительно двинулся в ванную, где продолжал трещать и булькать приёмник. Раздался грохот, и наступила тишина.

– Роковая случайность... – снова сказал Иван севшим голосом, глядя на слег в руках Марии. – Перевоспитывать. Внедрять человеческое мировоззрение...

Старик поднялся. Подошёл ко мне, положил на плечо руку, и я напрягся.

– Лэн, дружок, скажи, ты стал бы пробовать слег? – спросил он.

Очень серьёзно.

– Нет, – я замотал головой.

– Ты же слышал, что это очень здорово, – сказал Мария.

– Вот ещё, – я фыркнул, покосившись на Ивана. И тут мне в голову пришла мысль, что меня сейчас накормят «Девонем», сунут в ванну и включат слег, чтобы я тоже стал проклятым, как Иван...

Вывернувшись из-под руки Марии, я отбежал, но только он ни о чём таком не думал, он опять смотрел в окно и задумчиво говорил вслух:

– Строятся заводы по производству антивещества, космические корабли бороздят просторы галактики, раскапывают древние города, а в то же время... да какое мировоззрение им можно внедрить, Иван! Разве ж это поможет? Старое не уходит само, Иван. Оно цепляется за жизнь, фашистскими путчами, гангстерскими бандами, наркоманами... тянется в будущее, в двадцать первый век. Поздно их перевоспитывать. Вот, – Мария указал на меня, – вот это наша надежда! Они слегка не попробуют. И на дрожку не пойдут. Верно, малыш?

На всякий случай я кивнул.

– А Страна Дураков... может захлёбываться в горячей воде, истреблять друг друга, прыгать через высоковольтные провода, раз нравится. Эволюция, Иван. Жестоко, но справедливо. Прошлое уходит само, без насилия... – Он покрутил в руках слег и с отвращением швырнул о стену. Слег хрустнул и разлетелся. – Надо только...

Он замолчал.

Оскар, который вышел из ванной, взял Ивана за плечо и сказал:

– Но страдают и наши люди. Пек, Римайер, Жилин...

– Мы тебя увезём, Иван, – строго произнёс Мария. – Всё будет в порядке. Поверь.

Иван дёрнулся, как от удара.

– Никуда я не поеду! – зло сказал он. – Пока закон об иммиграции позволит – никуда не уеду! А потом нарушу закон! Не может быть, чтобы здесь не оказалось тех, кто ненавидит этот сытый мир! Я помогу им не растрчивать ненависть по мелочам!

Мария вздохнул:

– Пойдём, Иван. Ещё поговорим. Пойдём.

Иван встал, зябко поёжился, обхватывая плечи. Глянул на меня, и его взгляд прояснился.

– Знаешь, Лэн, я видел чудесный мираж! Ты и Рюг стояли передо мной почти взрослые, вы решили поехать в Гоби, на Магистраль...

Я ничего не сказал, не очень-то мне хотелось ехать в пустыню, где уже лет двадцать строили какую-то магистраль, и, видно, собираются строить ещё столько же. Мария взял Ивана за руку и, как ребёнка, повёл из спальни. Иван замолчал и обмяк. Так он больше ничего и не сказал. Я подождал, пока они вышли, и в окно проследил, что точно ушли. Потом пошёл в ванную, открыл сток и стал убирать разбитый приёмник. На полу валялись вывалившийся слег и супергетеродин, который Иван вынул. Эти супергетеродины почему-то всегда ломаются. И они во всех приёмниках стоят. А слег, который Иван называл вакуумным тубусоидом, по виду точно такой же и везде продаётся за пятьдесят центов. Дальше же всё просто, правда? Обязательно кто-то слег вместо гетеродина вставит и в ванну заберётся.

Может, я и маленький – пока, и трусливый – пусть даже навсегда, только не дурак. Всё я понимаю, но кричать об этом не буду. И слег не стану пробовать, лучше уж в пустыне в песке возиться, магистраль эту дурацкую строить...

– Лэн, – сказали из-за спины. Я повернулся – это был Рюг. – Я в саду ждал, – пояснил он. – Думал, вдруг чего...

Он засопел.

– Помоги убраться, – попросил я. – Не хочу, чтобы Вузи это увидела, она расстроится очень.

– А так, думаешь, не узнает? – удивился Рюг. – Иван теперь никуда не уедет... – Взял тряпку, сыпанул на неё порошка и принялся с сопением оттирать ванну от «Девона». Делал он это умело.

– Ну, узнает, только позже...

Мы убрали в ванной, умылись и, не сговариваясь, вернулись в холл. Конечно, спать уже не хотелось, да и рассвет наступал.

– Рюг, хочешь, когда вырастем, поедem в Гоби строить железную дорогу? – спросил я.

Рюг очень удивился:

– А что, надо?

Я подумал и кивнул:

– Да, наверное. Придётся.

За окном светлело, и мы стояли рядом, держась за руки. Какая предстоит работа, подумал я. Какая работа... Только что уж делать, раз мы все прокляты.

Операция «Вирус» Ярослав Веров, Игорь Минаков

*Полночь. Ни плеска волн,
Ни ветерка. Пустую лодку
Затопил свет луны.*

Догэн

*Прогрессора может одолеть только Прогрессор.
А. и Б. Стругацкие*

4 июня 78 года Завершение операции

И тогда Майя Тойвовна Глумова закричала. Пронзительно и страшно, как птица-невидимка в ночных пандорианских джунглях. И этот крик вывел меня из ступора. Я вдруг с безнадёжной ясностью осознал, что сейчас произойдёт. Не убирая «герцог» в кобуру, семенящим боковым шагом, будто чудовищный краб, Экселенц приближался к Абалкину. Приближался только с одной целью – добить. Произвести контрольный выстрел. Сделать ровно то, что не сделал ротмистр Чачу, пуская в расход некоего Мака Сима, кандидата в действительные рядовые Гвардии. Сравнение это мне не понравилось. Не понравилось до такой степени, что я почти рефлекторно перехватил руку шефа и отнял у него пистолет. Если бы Экселенц ждал нападения, он ни в коем случае не попался бы на столь примитивный приём и чего доброго уложил бы меня рядом с несчастным Лёвой. Тоже почти рефлекторно. Но начальник КОМКОНА-2 не был готов к предательству подчинённого. Корчась на полу – я слегка перестарался, блокируя его контрприём, – он процедил сквозь зубы знакомое: «Dummkopf, Rotznase!»

– Простите, Экселенц, – пробормотал я, – но так нельзя. Мы не на Саракше.

– Под трибунал пойдёшь, – прошипел он. – Мальчишка...

– Нет, Экселенц, – ответил я, намертво задавливая в себе субординационный инстинкт. – Мне уже за сорок, и я далеко не тот лопоухий юнец, что за здорово живёшь погубил сотни людей.

– Подбери детонатор, террорист, – буркнул Экселенц. Протянутую руку растерявшегося Водолея он проигнорировал.

Я поднял злополучный кружочек с иероглифом «сандзю» и, не зная куда его девать, сунул в карман. Глумова, всхлипывая, рухнула перед Абалкиным на колени.

– Успокойтесь, Майя Тойвовна, – тихо сказал я. – Стрельбы больше не будет! – добавил я уже громче, чтобы слышали Экселенц и Гриша.

– Стояли звери... около двери, – прошептал Абалкин и потерял сознание.

4 июня 78 года Разбор полётов

– А теперь изволь объясниться! – потребовал Экселенц, когда мы вернулись в его кабинет. Законное место за рабочим столом он почему-то не занял. Я внимательно посмотрел на своего шефа, и мне пришло в голову, что передо мной вовсе не великий и ужасный Странник, бывший резидент Совета Галактической Безопасности и нынешний всемогущий глава КОМ-КОНа-2, – передо мной глубокий старик, у которого вдруг вышибли землю из-под ног. Сорок лет они вычеркнули у него из жизни. Сорок лет они делали из него муравья. Сорок лет он ни о чём другом не мог думать. Они сделали его трусом, и он стал шарахаться от собственной тени. И, как всякий трус, он начал стрелять. Палить из «герцога» двадцать шестого калибра в олицетворение своего страха, которое когда-то ласково называли Лёвушкой-рёвушкой... Но, похоже, то был бред моей взбудораженной совести. Ничего у него не вышибли. В следующее мгновение зелёные глаза Экселенца опять горели дьявольским огнём, а оттопыренные уши зловеще пылали на фоне картины с изображением восхода солнца над Парамуширом. Заворожённый этим внезапным превращением, я почувствовал, что решимость моя улетучивается, будто жидкий кислород из расколотого дьюара.

– Ну!

Если я не сумею доказать свою правоту, он меня убьёт, подумал я отстранённо. Ну и пусть, главное, Абалкин жив и находится в нашем комконовском госпитале, куда не пускают посторонних, будь ты даже самым Председателем Мирового Совета. Я мысленно сосчитал до десяти и заговорил:

– Нельзя его убивать, Экселенц. Неправильно это.

– Ты ещё скажи – негуманно.

– Да, негуманно, – с вызовом сказал я. – Потому что Абалкин не автомат Странников.

– Кто же он по-твоему?

– Человек. Запутавшийся, выбитый из колеи, в конце концов – взбунтовавшийся против навязанного ему образа жизни, но человек.

– У которого есть детонатор, – вставил Экселенц.

– Да с чего вы все взяли, что это детонатор! – возопил я. – А если это всё-таки элемент жизнеобеспечения? Или удостоверение личности вроде ген-индекса?

– Которое требуется предъявить первому же встречному Страннику, – продолжил шеф.

– Ну, я не знаю, что это на самом деле... Я исхожу из простого соображения, что вся эта детективная история слишком уж отвечает нашей, человеческой логике. Но даже мы не стали бы громоздить одну нелепость на другую ради сомнительного результата. – Я понимал, что говорю не слишком внятно и совсем неубедительно, но времени тщательно обдумать, облечь смутные свои прозрения в чеканные формулировки у меня не было. – Из чего, собственно, следует, что Абалкин – автомат Странников, у которого включилась программа? Только из того, что он попёрся в Музей Внеземных культур вопреки моему предупреждению? – Экселенц засопел, но я продолжал: – А если это было обычным упрямством?! Допустим, Абалкин решил забрать свой детонатор, чтобы устранить возможность шантажа с нашей стороны. Поступок, конечно, асоциальный, но не настолько, чтобы угрожать безопасности человечества. Вы скажете, что голован Щекн отрёкся от своего друга, потому что углядел в нём нечто нечеловеческое? Но и такой вывод ровно ни из чего не следует, кроме нашей уверенности, что Абалкин – это вдруг активизировавшийся автомат Странников. Вполне возможно, что Щекну просто не понравился нерекондиционированный прогрессор. Офицер штаба группы флотов «Ц» – тот ещё фрукт! Полагаю, Щекну-Итрчу хорошо известно, что делают такие офицеры, обнаружив голована-цзеху на расстоянии выстрела. К тому же Абалкин сам назвал причину своих мета-

ний и своего желания во чтобы то ни стало оставаться на Земле, и мне почему-то кажется, что он не солгал. – Экселенц больше не буравил меня взглядом, ему уже стало неинтересно. – Если говорить коротко, шеф, я считаю, что мы пошли на поводу у событий, приняли в качестве рабочей не самую продуманную версию, что, конечно, простительно в состоянии цейтнота...

– Старину Айзека можно поздравить с новым учеником, – прервал моё словоизвержение глава КОМКОНа-2. – Ну хорошо, что ты предлагаешь?

– Я предлагаю, дать Абалкину шанс.

– Добраться до детонатора?

– Нет, конечно... Пусть поправляется, приходит в себя. Тогда с ним можно будет спокойно поговорить...

– Допросить, – уточнил Экселенц.

– Если угодно, – сказал я. – Главное, узнать, что там, на Саракше, произошло.

– Так Абалкин тебе всё и выложит, – проворчал Экселенц.

– Но попытка не пытка...

– Это всё лирика, Мак, – сказал он. – Убедительных доводов я не услышал. Операцию считаю проваленной...

– Понимаю, Экселенц, – откликнулся я. – Готов понести любое наказание.

– Не перебивай, – буркнул Экселенц. – Перед Советом отвечать мне. А ты отправишься на Саракш и проведёшь официальное расследование по факту гибели выездного врача Курта ЛOFFенфельда. Сроку даю неделю. По истечении этой недели результаты должны лежать у меня на столе. Удовлетворительные результаты. Если они таковыми не окажутся, готовься сменить место службы. Скажем, на устье Тары. Там у них вечный аврал. Как понял?

– Понял вас хорошо, – откликнулся я, вытягиваясь в струнку. – Разрешите приступить?

– Валяй, приступай, – отмахнулся он. – И на глаза мне лучше не попадайся.

5 июня 78 года

Утро мудренее

Утром следующего дня, едва отверзнув очи, я справился о состоянии здоровья пациента Абалкина у дежурной госпитальной сестры. Разумеется, воспользовавшись спецдопуском. Невзирая на раннюю пору, девушка бодро сообщила, что пациент Абалкин (огнестрельное ранение) находится в кибернизированном реанимационном боксе, что состояние его хоть и тяжёлое, но стабильное и шансы на выздоровление довольно высоки. Она стала перечислять какие-то сугубо медицинские показатели, но я поблагодарил её и отключился.

Созерцая, как восходящее солнце золотит гранёные карандаши тысячектажников, я попытался составить план дальнейших действий. Ничего путного у меня не выходило, недовскавало информации. И мне позарез нужно было восполнить этот недостаток. Сидеть на Земле и ждать, пока Абалкин сможет, а главное, захочет поговорить, я не имел права. Тем более что к разговору с ним следовало тщательно подготовиться. Иначе всё сведётся к призывам к гражданской совести Абалкина с моей стороны и к глухому запирательству – с его. И свою миссию на Саракше я намеревался посвятить этой задаче. Хотя, признаться, не очень-то верил в результативность официального расследования. Работа со свидетелями, если те выразят желание, чтобы с ними работали. Осмотр места происшествия, при условии, что меня к этому месту допустят. Изучение вещественных доказательств, ежели таковые отыщутся. Все эти действия носили почти ритуальный характер. Экселенцу нужно отчитаться перед Советом. Совету – перед друзьями и родственниками покойного Лоффенфельда. Рутинная, но необходимая процедура.

А что нужно мне? Мне нужна правда. Я верил в вельзевулову программу, якобы заложенную в «подкидышей», ещё меньше Экселенца. И уж совсем не верил я, что Абалкин перестал быть человеком только потому, что его вдруг повлекло к детонатору. Кто бы не захотел увидеть эту дьявольскую штуковину, зная, что от неё зависит его судьба? Я бы обязательно захотел. И смёл бы на своём пути любые препятствия. Однако таких вот общих соображений мне было уже недостаточно. Мне нужна была надёжная мировоззренческая опора под эти шаткие построения. А такую опору мог предоставить только один человек – знаток запрещённой науки, криптоисторик Айзек Бромберг.

Мне в очередной раз пришло в голову, что Экселенц опять оказался хитрее, чем я думал. Ему самому не в жилу было убивать Абалкина, так толком и не выяснив, что там на самом деле произошло между ним и Тристаном-Лоффенфельдом. И теперь Экселенц готов воспользоваться ситуацией, чтобы довести это дело до конца, как настоящий контрразведчик. И возложил он эту миссию лично на меня, потому что прекрасно понимал, что проштрафившийся комконовец Каммерер будет теперь землю рыть, чтобы не столько доказать невиновность Абалкина, сколько подтвердить свою профессиональную пригодность. И про нового ученика старины Айзека Экселенц упомянул не случайно. Значит, я буду не одинок. Не люблю быть одиноким. Особенно в драке. Саракш начисто отбил у меня охоту оставаться с глазу на глаз с неизвестным, неуловимым, но беспощадным противником.

5 июня 78 года Новые горизонты

Бромберг жил в небольшом доме на правом берегу Исети, в тихом малоэтажном районе. Дом этот, видимо, был местной достопримечательностью: мощный бревенчатый сруб под тесовой крышей, окружённый глухим высоким забором с широкими воротами, в которые врезана узенькая калитка. В соответствии с указанием на жестяной табличке, выполненном на трёх языках, включая тагорянский, я потянул на себя кованое железное кольцо и оказался в просторном дворе.

Хозяин встретил меня на крыльце и проводил в дом. Вопреки ожиданиям, изнутри это «жилище отшельника» выглядело вполне современным. Мультимебель, Линия Доставки, терминал БВИ, кристаллотека и тепловой конвертор вместо полагающихся в избах лавок по стенам, полатей, подовой печи и прочих ухватов с ушатами. Большую часть этого «дома-оборотня» занимала библиотека. У меня в глазах зарябило от позолоты на тиснёных корешках. Судя по латинским, английским, немецким, французским и, кажется, японским названиям – все это были труды по истории науки, изданные ещё до Второй НТР, то есть до всеобщего переноса знаний на цифровые носители.

Хозяин дома предложил мне кофе. Мы расположились на кухне, у низкого кофейного столика, в удобных плетёных креслах и несколько минут молча наслаждались превосходно приготовленной арабикой. Бромберг не выглядел теперь сердитой взъерошенной вороной, коей предстал прошлой ночью. Передо мной был солидный университетский профессор. Крохотную кофейную чашку он держал с аристократической небрежностью – оттопырив мизинец и слегка на отлёте.

Едва опустошённые чашки упокоились на расписном подносе, Бромберг пригласил меня в кабинет. Собственно, в его «избе-читальне» было только две комнаты, что по нынешним временам верх аскетизма, и кабинет оказался гораздо обширнее спальни, насколько я сумел заметить через приотворённую дверь. Проклятая профессиональная привычка изучать обстановку! Хорошо, что большинство людей не замечает, как я осматриваюсь в их жилище, иначе бы меня перестали звать в гости. На Саракше привычка эта не раз спасала мне жизнь, на Земле она, к счастью, срабатывала почти исключительно вхолостую.

– Итак, – сказал профессор, – не прошло и двух суток, как вы вспомнили о старом дураке Бромберге...

Начало разговора не понравилось мне. Вернее, не мне, а мелкой комконовской сошке, присланной выжившим из ума Сикорски приобщиться к истинному знанию, коим трижды лауреат Геродотовской премии всегда готов поделиться. Не ради спокойствия «тайного тюремщика идей», но ради общего блага. Разумеется, ничего подобного Бромберг не сказал, но это читалось в его глазах. Меня такой зачин вполне устраивал, и я поспешил уверить «старого дурака» в своём глубоком к нему почтении.

– А, бросьте, – отмахнулся Бромберг. – Вы бы и не вспомнили обо мне, если бы не зашли в тупик.

Я не стал спорить, но и вдаваться в подробности не спешил. Мне хотелось, чтобы Бромберг сам вывел разговор на интересующую меня тему.

– И тупик этот, без всякого сомнения, называется проблемой Странников, – констатировал он. – Я бы сказал, пресловутой проблемой пресловутых Странников.

Такое продолжение меня тоже вполне устраивало. «Мелкую комконовскую сошку» – тем более. «Сошка» горестно вздохнула и развела руками. Тупик, дескать, куда деваться.

– Так я и предполагал, – величественно изрёк криптоисторик. Тёмные библейские глаза его заискрились вдохновением.

Мы с «сошкой» заранее раскрыли рты и старательно развесили уши.

– А известно ли вам, молодой человек, что проблема эта возникла задолго до дела подкидышей? – возгласил Бромберг. – Собственно говоря, она возникла в тот момент, когда астрофизик Шкловский, великий учёный двадцатого столетия, выдвинул гипотезу, что спутники Марса искусственного происхождения. Гипотеза эта, как известно, блестяще подтвердилась, едва экспедиционный корабль Следопытов пришвартовался к Фобосу. Разумеется, в тот момент никто ни о каких Странниках и не ведал. Никто не ведал о них и тогда, когда возникло предположение, что развалины так называемой Старой базы на Тёплом Сырте не имеют отношения к человеческим поселениям. Когда группа Опанасенко-Моргана обнаружила тоннельный город из янтарина, проблема Странников уже вполне созрела, но ещё не обрела своего зловещего смысла. Это был период счастливого неведения, длившийся без малого столетие. Даже открытие искусственных янтаринowych спутников Владиславы свидетельствовало лишь о количественном разрастании проблемы. К Странникам относились с почтительным восторгом, который был в известном смысле подпитан тем самым на редкость своевременным открытием Убежища на Радуге.

В отличие от меня, «сошка» ни о каком Убежище слухом не слыхивала... Да и откуда?

– Из школьного курса космической истории, молодой человек, – ядовито пояснил Бромберг. – Впрочем, не исключено, что сейчас плохо преподают космическую историю. Иначе бы вы знали, что буквально за полчаса до катастрофы, «кроты», прокладывающие шахту под противоволновое укрытие, наткнулись на тоннель, который вёл в глубь литосферы. Тоннель, само собой, был сооружён из янтарина, и благодаря ему спаслось почти всё оставшееся на планете население Радуги. В эйфории счастливого избавления от гибели никто и не обратил внимания на тот малозначительный на чёрном фоне Волны факт, что, по данным глубинного планетологического зондирования, никаких сколько-нибудь обширных пустот в этом районе материка не было и быть не могло. Я читал мемуары тогдашнего главы планетологической службы Радуги Анатолия Первенцева, он иначе как чудом внезапное и более чем своевременное обнаружение Убежища в толще материковой коры и не называл. Это было первым, но далеко не последним звоночком, оповещающим, что дело Странников живёт и побеждает. Следующим звоночком стал сейчас уже совершенно забытый «казус двух лун».

«Сошка» на пару со мной вопросительно задрала брови: «Это ещё что такое?»

– Ну, об этом ни в каких учебниках наверняка ничего не сказано, – проницательно заметил Бромберг. – Даже из последнего издания «Истории Посещения», написанной ныне покойным Паком Хином, вымарали соответствующую главу. За лженаучное мракобесие, надо полагать. Так вот, молодой человек, спустя всего пятнадцать лет после событий на Радуге за одну ночь Марс потерял и вновь приобрёл свои знаменитые луны. Первым перестал наблюдаться крохотный Деймос. Автоматическая обсерватория на Фарсиде зафиксировала совершенно необъяснимое с точки зрения небесной механики затмение этого спутника. «Затмение» длилось не более трёх часов, после чего Деймос вновь засиял в марсианских небесах. Но почти сразу вслед за ним исчез и Фобос. Вторая луна Марса отсутствовала более пяти часов. Причём отсутствовала в прямом смысле этого слова, так как сейсмографы на поверхности Красной планеты зафиксировали временное прекращение воздействия гравитации Фобоса на планетарную кору. По возвращении второй луны-беглянки на законное место на её поверхность высадились ареологическая экспедиция с целью выяснить природу небывалого астрономического феномена. Каково же было удивление ареологов, когда обнаружилось, что вернувшийся Фобос, как и его меньшой братец Деймос, представляют собой самые обыкновенные астероиды, позаимствованные, очевидно, из одноименного Пояса. Никаких следов предыдущих экспедиций. Более того, ни малейшего намёка на искусственное происхождение.

Бромберг умолк, вероятно, чтобы перевести дух. Я сходил на кухню и принёс ему остаток кофе.

– Благодарю, – пробормотал знаток запрещённой науки. – Так вот. Временное отсутствие, вернее, замена Фобоса, имела ещё одно последствие. В районе Северного полюса Марса произошёл мощный тектонический сдвиг, в результате которого тоннельный город из янтарина был погребён под миллионотонным базальтовым щитом. Имейте в виду, юноша, что тектоническая деятельность на Марсе прекратилась около миллиарда лет назад! То есть этот сдвиг, скорее всего, ещё одна проделка Странников, «приуроченная» к исчезновению Фобоса. А потом началась самая настоящая зачистка следов пребывания Странников в нашей Вселенной! Искусственные спутники Владиславы без всякой видимой причины сошли с орбиты и утонули в углеводородном океане планеты. Перестало существовать и спасительное Убежище на Радуге. Причём столь же внезапно, как и появилось. Царька на Сауле хватил апоплексический удар, ибо Машины исчезли. Даже сторожевой спутник-невидимка на орбите Ковчега пропал. Покопайтесь, молодой человек, в архивах КОМКОНа-1, и вы найдёте ещё много любопытного на этот счёт. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, скажу, что волна этой «зачистки» началась незадолго до того, как группа Фокина обнаружила тот самый злополучный эмбриональный сейф с тринадцатью «подкидывающими». С этого момента проблема Странников перешла в следующую фазу, самую интересную.

Я вспомнил залитое кровью лицо Абалкина, сведённые к переносице зрачки Майи Глумовой, бесстрастные глаза Экселенца – глаза профессионального убийцы, и мне захотелось сказать этому «трижды лауреату» что-нибудь язвительное. Однако я был на службе, и смоделированная мною «мелкая комконовская сошка», как писали в старинных романах, вся обрадовалась в слух.

– Да, самую интересную, – повторил Бромберг, – ибо Странники перестали притворяться подёрнутым пылью веков археологическим артефактом, но почти в открытую заявили о себе как о цивилизации, отнюдь не утратившей творческой активности. И если эксперимент с машинами на Сауле был лишь пробным шаром, то тотальная эвакуация населения Надежды – это масштабное вмешательство в дела иной цивилизации, по сути – самая настоящая прогрессорская акция. Кстати, обратите внимание, молодой человек, и обитатели Саулы, и аборигены Надежды – гуманоиды, чья ДНК идентична человеческой. То же самое можно сказать и о разумных существах, населяющих Гиганду, Румату, Саракш. Не понимаю, почему до сих пор этот факт не был обнаружен КОМКОНа-1? Это же вопиющая бессмысленность с точки зрения даже вульгарного дарвинизма, не говоря уже о современных воззрениях на биогенез! Ну не станут эволюционные процессы идти сходным образом, пусть и на землеподобных мирах. Лишним доказательством тому могут служить обитатели Тагоры, Леониды и Ковчега...

«Сошка» наострила уши, а я вспомнил одну прогрессорскую байку, крайне популярную у новичков. Байка эта гласит, что несчастного Антона Прянишникова, он же Румата Эсторский, турнули из Наблюдателей вовсе не из-за резни, которую он устроил во время Арканарского кризиса, а из-за того, что убитая арбалетным болтом его подруга Кира оказалась беременной. Тогда ещё действовал запрет на сексуальные отношения между полевыми сотрудниками Института экспериментальной истории и представителями противоположного пола с иных планет. Запрет этот был снят специальным решением КОМКОНа-1, как вредный для физического и душевного здоровья прогрессоров.

– Я уж не говорю о том, что различия между цивилизацией Земли и цивилизациями других человеческих миров лишь количественные, но не качественные, – продолжал вещать Бромберг. – У нас нуль-Т и «призраки», у них осадные мортиры, стреляющие каменными ядрами, и атомные субмарины. Не думаю, что наши мыслители не в состоянии сделать элементарного вывода: Землю, Саулу, Румату, Гиганду, Надежду и Саракш населяют не человекоподобные, а просто – люди! Вам известно, молодой человек, сколько за последнее столетие родилось детей от смешанных «межпланетных» браков? Нет. А мне известно. Более полутора сотен! Причём около десяти процентов из них стали плодом любви между представителями Саулы и Саракша,

Руматы и Гиганды, Гиганды и Саулы и так далее. Детей могло бы быть гораздо больше, существой между этими мирами непосредственные контакты, которые невозможны в силу их технической отсталости. Поэтому, как правило, такие браки заключаются на небесах, то есть на нейтральных мирах или на Земле, где аккредитованы эти, с позволения сказать, инопланетяне...

Бедная Рада, подумал я. Она так хотела, чтобы у нас были дети. А я как последний остопоп твердил ей, что это невозможно, что мы генетически несовместимы. Но ведь я тогда искренне в это верил. Откуда было мне знать, что она не более инопланетянка, нежели уроженка какой-нибудь Новой Гвинеи? И всё-таки статистику этого криптосексолога не мешает проверить. А заодно проверить, не остался ли где-нибудь в бывшей Стране Отцов Каммер-младший? Ведь о судьбе Рады мне известно лишь то, что она исчезла без вести в котле Береговой блокады. Отправил любимую женщину на морской курорт, идиот... Перед разлукой Рада была необычайно задумчива и бледна, но я не обращал на это внимания. Я был полностью поглощён идеей контакта с лесными упырями, головами то бишь, хотя никто их тогда так не называл... А ведь она всё порывалась мне что-то сообщить, но так и не успела. Мы должны были увидеться уже через неделю, но через неделю Странник отправил меня в срочную командировку за Голубую Змею, где я впервые увидел Абалкина. Да что там Абалкина, там я познакомился с самим Комовым, и мне стало не до Рады. Вернувшись, я узнал, что единственный в Стране Отцов чистый в экологическом смысле курорт «Синий берег» захвачен массированным десантом Островной Империи и что мирные жители либо зверски истреблены, либо захвачены в плен и вывезены в Архипелаг. Раду искали. Я упрямил Странника дать мне несколько человек из боевиков-подпольщиков, и он дал, хотя и с большой неохотой. Мы сумели прорваться внутрь блокадного котла, мы перевернули там всё вверх дном, мы даже попытались проникнуть в концлагерь, где содержалось гражданское население, но напоролась на засаду. Огонь был такой плотности, что из всей нашей группы в живых остался лишь я один.

– Вы спросите, молодой человек, какое отношение эти амурно-эволюционные дела имеют к проблеме вмешательства Странников в развитие гуманоидных цивилизаций? Самое прямое! Если мы признаём в обитателях всех этих миров не просто гуманоидов, а наших генетических братьев, то будем просто обязаны оградить их от воздействия Странников. Кем бы они ни были! Посмотрите, что получается. Вчера была Надежда, сегодня, например, Саркаш, а завтра, глядишь, и Земля! Вам нравится такая перспектива? Мне – нет!

Закончив пламенную речь, доктор Бромберг посмотрел на меня так, словно это я обязан немедленно, не сходя с этого места, оградить братьев по разуму от пагубного воздействия Странников. «Комконовская сошка» была готова на всё. И рвение её оказалось столь заметно, что профессор Бромберг изволил снисходительно добавить:

– Возвращаясь к истории с Александром Дымком, следует сделать один вполне логичный вывод. Несомненно, что Фокин обнаружил сейф с человеческими эмбрионами, но также несомненно, что адресован этот сейф вовсе не нам. Мы случайно наткнулись на теплицу с рассадой для новой землеподобной грядки. И вся эта возня, затеянная нашим могучим, но недалёким Руди вокруг детонаторов и «подкидывшей», – не более чем трагифарс с доставленной не по адресу посылкой.

И опять моему взору предстал окровавленный кроманьонец Абалкин, но желания сказать велеречивому криптоисторику что-нибудь язвительное у меня теперь не возникло. Жаль, что ничего нового я от него так и не услышал. Теперь осталось лишь откланяться. И всё-таки что-то мешало мне вот так сразу подняться и уйти. Что-то, мелькнувшее в его длинном монологе, засевшее в мозгах, как заноза...

– Скажите, доктор, – проговорил я, – а почему вы упомянули именно Саракш? «Вчера была Надежда, сегодня, например, Саракш...» Не ради же красного словца!

Айзек Бромберг презрительно фыркнул.

– Да уж, конечно... Вам, естественно, не знакома работа Синоды, где он сравнивает технологию, по которой изготовлены Машины-на-Сауле и ту, что положена в основу излучателей в Стране Отцов. Так вот, в обоих случаях использован неизвестный нам принцип самовосстановления базовых элементов конструкции. Обратитесь в БВИ, эта работа лежит в свободном доступе. А после того как ознакомитесь с ней, пораскиньте мозгами, где ещё на Саракше, кроме Страны Отцов, Странники могли бы применить свои социотехнологические новации?

На прощание Бромберг, довольный, что ему удалось утереть нос личному телохранителю самого Сикорски, подарил мне небольшую брошюру.

– Ознакомьтесь, юноша, – сказал он. – Так сказать, для общего развития. Любопытная, знаете ли, реконструкция...

Я поблагодарил старика самым почтительным образом, сунул подарок в карман и ретировался.

Документ 1

Анизотропное шоссе

Заключённый № 819360 лежал ничком, уткнувшись в плоский вонючий тюфяк, набитый сгнившей соломой. Ночной барак был наполнен звуками и запахами. Звуки были привычными – храп, стоны, лунатический шёпот и глухие вскрики вымотанных многочасовой тяжёлой работой людей. Запахи тоже были привычными, но от них все равно мутило. Тюфяк, на котором заключённый провёл столько ночей, казалось, вонял чуть меньше.

«Послезавтра мы уйдем, – думал № 819360. – Хватит. Натерпелись. Только бы прорваться в горы, к партизанам... Жаль, не выйдет прихватить с собою этого дятла, Андрюху. Там мы бы с ним поговорили... Но добровольно он не пойдёт, а силой не поволочёшь, хай поднимет...»

Тонкая, почти бесплотная рука коснулась плеча заключённого. Он поднял голову, до рези в глазах всматриваясь в расплывчатое пятно незнакомого лица.

– Кто тут?!

– Тихо, – проговорил незнакомец. – Я № 634120. Меня зовут...

Но 819360-й уже узнал его. Это был Стефан Златков, болгарин, бывший студент-физик. От голода и непосильной работы он слегка повредился рассудком. В подпольном комитете знали, что на свободе студент помогал партизанам, изготавливал мины-ловушки. Немало фашистов покалечилось на них, прежде чем во время очередной облавы Златкова схватили. Хороший парень, правильный. Досадно, что не выдержал...

– А, это ты Шизик, – проговорил № 819360 сквозь зевоту. – Чего тебе? Жратвы у меня нет.

– По правде сказать, я не Шизик, – ответил «ночной гость». – У меня только его внешность.

– Слушай, хефтлинг, – сказал заключённый. – Неохота мне слушать эту туфту. Вали отсюда...

– Внимательно выслушайте меня, Савел Петрович, – сказал «Шизик». – Времени мало, а дело весьма важное!

– Какой ещё Савел Петрович... – отозвался 819360-й. – Ты меня с кем-то путаешь, доходяга...

– Не важно, – сказал «Шизик». – Я хочу помочь вам бежать.

– А перо в бочину не хочешь?! – прошипел заключённый.

– Бросьте, товарищ Репнин, – сказал «Шизик». – Сейчас маска уголовника вам не нужна. Тем более что ваше настоящее имя и звание знает осведомитель Пересмешник. Это очень опытный осведомитель. Его специально переводят из лагеря в лагерь, чтобы разоблачать таких, как вы, Савел Петрович.

– Андрюха, сука... – процедил сквозь зубы Репнин. – Завалю...

– Увы, Савел Петрович, – проговорил «ночной гость». – Ни вам, ни кому либо ещё, это не удастся. Пересмешник благополучно переживёт войну. У него будет семья, дети. Его сын станет большим человеком у себя в стране.

– В какой ещё стране? – насторожился Репнин. – В СССР?

– Нет, не в СССР, – ответил «Шизик». – Но это сейчас не важно. Перейдем к делу. И прошу меня больше не перебивать. Завтра, когда вас поведут в каменоломню, у одного из конвоиров случится приступ. Боль будет очень резкой. И вы, Савел Петрович, сумеете вырвать у него автомат...

Высокий, худой, с жёлтым лицом язвенника конвоир Ганс выпучил глаза, обхватил руками живот и присел на корточки. Это был тот самый момент, о котором толковал явив-

шийся во сне хефтлинг. Саул отпихнул бредущего впереди гуцула, подскочил к Гансу, рванул «шмайссер». Солдат попытался удержать оружие, но Саул пнул его в лицо.

– Хальт! – проорал другой конвоир, и в следующее мгновение тоже согнулся пополам: от выпущенной заключённым очереди.

Ряды конвоируемых смешались. Надо было пользоваться суматохой, пока остальные охранники не опомнились и не положили мечущихся хефтлингов мордами в дорожную грязь. Саул наклонился и быстро обыскал стонущего Ганса. Запасные обоймы. Нож. Паёк. Фляга. Солдат что-то цедил сквозь зубы, но сопротивляться не смел.

– Зденек, Ванька, Шимун, Жан! – выкрикнул Саул. – За мной!

Он первым кинулся в придорожный лес, зная, что остальные последуют за ним. Ветки хлестали по лицу, обрушивая ливень росы. Это было счастьем. Впереди – свобода. Настоящая борьба, а не осторожное, с непрестанной оглядкой, сопротивление лагерному режиму. Корни подворачивались под ноги. Саул ушиб большой палец, выглядывающий из дырявого говнодава. Но эта боль тоже была счастьем. Крики и редкие выстрелы, доносившиеся со стороны шоссе, стихли. Там всё было кончено. И теперь окрестные леса наводнены беглыми заключёнными. Хотя большинство осталось, а те, кто рискнул, вскоре будут пойманы. Или – убиты. Выдохшись, Саул остановился, прислонился к берёзовому стволу, перевести дух и дождаться своих. Через несколько минут они появились. С разных сторон. Трое.

– Где Зденек?! – спросил Саул. – Отстал?

Француз Жан покачал головой.

– Убили. Краузе притворилсядохлым, а когда Зденек наклонился – обыскать, бош полоснул его по горлу...

Жан показал эсэсовский кортик, которым штурмфюрер Генрих Краузе весьма гордился.

– Ясно, – проговорил Саул. – Ладно, уходим к перевалу. Там переночуем. Утром попытаемся пробраться к партизанам...

Но до перевала они не дошли. Через десяток километров беглецы вновь вышли на то же самое шоссе, широкой дугой огибающее лесной массив. И сразу слышали треск моторов. На этом участке шоссе хорошо просматривалось. Впереди и сзади блестящего чёрным лаком «Опель Капитана» катили два мотоциклета с охраной. По-хорошему следовало бы переждать, пока фрицы отъедут подальше, а потом пересечь шоссе. Но вражеской крови, пролитой несколько часов назад, оказалось слишком мало, чтобы утолить многодневную жажду мести. Саул не успел остановить Жана, когда тот выскочил прямо на дорогу и в упор расстрелял солдат на переднем мотоцикле. Немедленно ударил пулемёт со второго мотоцикла. Жана отбросило к обочине. Теперь уже нельзя было не принять бой. Саул и Ванька, молодой солдат, как и Репнин, попавший в плен подо Ржевом, прикончили фрицев на втором мотоцикле. Пожилой чех, пан Шимун, метнул гранату под колёса «Опеля». Грохнуло. Автомобиль пошёл юзом и опрокинулся на бок. Воодушевлённый успехом, пан Шимун бросился к нему и был сражён выстрелом из пистолета. Крикнув Ваньке: «Ложись!» – Саул залёг сам, перекатился, укрылся за телом убитого чеха. Немец в опрокинутом «Опеле» стрелял великолепно. Нельзя было поднять головы. Саул принялся было считать выстрелы, но бросил это занятие, сообразив, что у гада есть запасные обоймы. Крыша автомобиля защищала немца от автоматных пуль. Оставалось только подобраться поближе и прикончить фашиста через лобовое окно. «Дядя Савел, я щас!» – крикнул Ванька и бодро, по-пластунски пополз к «Опелю». Выматерившись, Саул отстегнул опустевшую обойму, потянул из-за пояса полную. И в это мгновение выстрелы стихли. Не веря своим ушам, Саул поднял голову. Действительно – тихо! Со своей позиции он не мог разглядеть, что творится у самой машины. Саул кинулся к «Опелю». Ноги Ваньки торчали из машины и были неподвижны. Немец тоже не подавал признаков жизни. Саул присел на корточки и подергал земляка за деревянный башмак: «Эй, ты чего?!» Никакой реакции. Тогда Саул вытащил Ваньку за ноги. Арестанская роба на его спине была продырявлена в нескольких

местах. Кровь едва сочилась из дыр. Саул просунул ствол «шмайссера» в лобовое окно и дал короткую очередь. После чего заглянул внутрь. Его выстрел был лишним. Рядовой пехотного взвода Иван Соболенок задушил немца раньше, чем успел умереть. Рядом с фашистом лежал туго набитый портфель. Саул выволок его, отстегнул клапан, заглянул внутрь. Бумаги. Серые картонные папки с ненавистным орлом. Саул закрыл портфель и услышал шум приближающихся машин. Больших трёхосных грузовиков. Пора было уходить...

7 июня 78 года Саракш. Полярная база

Скрып-скрып, скрып-скрып – монотонно поскрипывал снег под лыжами. Хорошая лыжня у местных «полярников», накатанная. Сразу видно, что начальник базы заботится о том, чтобы подчинённые поддерживали себя в надлежащей спортивной форме. И воздух тут ничего – не душное радиоактивное, кисло-металлическое марево, что в джунглях за Голубой Змеей, и не тёплый смрад переполненной людьми Столицы. И тем более не миазмы Гнилого моря. Чистый воздух. И холодный. Даже через маску – холодный.

Вскарабкавшись на гребень, я остановился. С помощью подмышки высвободил руку из внушительной рукавицы и убавил подогрев моих шкур. Восстановил дыхание. Отсюда, сверху, база напоминает распахнутую шкатулку с россыпью драгоценностей. Сияют круглые окна приземистых зданий, отсвечивает матовая броня яйцеобразных ботов, рядами стоящих на площади перед главным корпусом. На одном из них, кстати, и прибыл сюда Абалкин. Отсвечивают синевой наметённые вчерашней метелью сугробы. В отдалении различимы угрюмые конусы «призраков». Я не вижу, но знаю, что по их словно покрытой длинной шерстью «шкуре» идёт медленная, тягучая пульсация – от вершины к основанию...

А над головой – звёзды. Звёзды на Саракше – это да. Это как лёд на Солнце или нерекондиционированный прогрессор – на Земле. Атмосфера здесь менее плотная, рефракция почти нулевая – благодать. Удачно прибыл – аккуратно в первый день Зимнего антициклона. Над головой, в зените, естественно – Треугольник, созвездие, которое могло бы указывать путнику направление. Если бы здесь встречались путники.

Массаракш, сколько сил было когда-то затрачено у нас на Земле, чтобы достигнуть полюсов, водрузить флаг и сказать – я сделал это, значит, я победил. Какие жертвы, какие славные в своей бессмысленности смерти! Амундсен. Нансен. Кук. Обитатели Саракша, сколько мне известно, никогда сюда особенно не рвались. Космогония, чтоб её. Мир, молодой человек, поучал дядюшка Каан, не просто пузырьрёк, а эллипсоид. Вы там, в горах, знаете, что такое эллипсоид? Прекрасно. Так вот, участки поверхности напротив больших полуосей, будучи более удалёнными от Мирового Света, получают, соответственно, меньше тепла. Что? Сезонные колебания температуры в умеренных широтах? Мировой Свет, юноша, не стоит на месте, он медленно дрейфует, словно маятник от одной точки эксцентриситета к другой...

До сих пор удивляюсь, как я не сошёл тогда с ума. Наверное, я и вправду достаточно бесчувственная личность. И самое место мне в нашем родном КОМКОНе-2, и именно под началом Рудольфа Сикорски, ещё более бесчувственного и мерзкого рыцаря плаща и кинжала.

Я снова встал на лыжню и плавно заскользил вниз: трасса аккуратно огибала торосы и скопления ледяного крошева. Сугробы на базе ещё не убраны, а лыжню – вот, пожалуйста, накатали...

И всё же, при такой фантазмагорической космогонии, они ухитрились прицельно метать ядерные фугасы. С высокой точностью. Как любил шутить покойный, увы, принц-герцог, синус у военных всегда был больше единицы, а во время Бойни и до пяти зашкаливал. Стоп, сказал я себе. А ведь ты начал «вживаться» в Саракш. Вживаться – словечко сугубо прогрессорское, точно обозначить смысл его нелегко, но начинается «вживание» всегда с таких вот ненавязчивых мыслей. А значит, некий Максим Каммерер, инспектор-дознаватель по делу о гибели Курта Лоффенфельда нечувствительно для самого себя пришёл к выводу, что недельной командировкой на Саракш он у Экселенца не отделаётся.

Небо расколола лиловая вспышка, лиловый сменился синим, синий – розовым, и пошло-поехало. Яростные сполохи отражались от всего этого снежно-ледяного великолепия так, что в глазах рябило. Невзирая на защитные очки. Положительно Саракш приветствует меня как

старого, но не слишком чаемого знакомого, фальшиво улыбаясь, неестественно подмигивая и вообще всячески изображая радость. А между тем ясности у инспектора-дознателя КОМ-КОНа после работы с персоналом Базы не прибавилось. Зато прибавилось головной боли.

Инспектор-дознатель Максим Каммерер вошёл в кабинет начальника Полярной базы, держа на лице хмуро-сосредоточенное выражение большой комконовской шишки. Чтобы ясно было сразу, что инспектор сей – чиновник крутой, дознание намерен провести строгое и спуску, если что, никому не даст. Так. Обстановка в кабинете самая что ни на есть аскетичная. Голые стены, по всему периметру выстроены кресла, надо думать – для совещаний. Подковообразный стол, оснащённый всяко-разными пультами и мониторами. Видеофон. В углу – сейф, на сейфе – кристаллотека. В другом углу – кадка, из кадки торчит уродец, листьями напоминающий пальму, а стволом – баобаб с зеленоватой корой. От уродца исходит едва различимый горько-пыльный аромат. Какой-то мутант из-за Голубой Змеи, не иначе.

Начальник базы, некто Джонатан Вовид, оказался крупным мужчиной лет пятидесяти. Длинные волосы его были собраны на затылке в хвост и, судя по сальному блеску, не мылись, по крайней мере, несколько недель. Обрюзгшее лицо ещё хранило остатки той красоты, которую в дрянных книжках принято называть «ангельской». Инспектор Каммерер убрал мысленно лишнюю дряблость и морщинистость, дорисовал нежный юношеский румянец на щеках, чуть увеличил глаза – для чего пришлось уменьшить опухлость век, а ресницы у Вовида и так были длинные, аки у девицы. И томный взгляд. Хм. Интересно...

Грозный вид инспектора, похоже, не произвёл на Вовида решительно никакого впечатления. Начальник базы неторопливо переменял позу на менее ленивую и указал перстом на одно из кресел. Можно было подумать, что гибель выездного врача базы и провал ключевого резидента для него событие столь мелкое и незначительное, что нет никакого смысла отрывать его, Вовида, от множества важных дел. Инспектор Каммерер с каменным лицом придвинул кресло поближе к столу.

– Прилетели всё-таки, – скорее пробормотал, чем сказал Вовид. – А я всё изложил в отчёте. Валяйте уже, задавайте ваши вопросы... инспектор.

А ведь ты боишься. Чего-то ты боишься, засранец, что-то скрываешь за дешёвой бравадой. Ничего, сейчас ты у меня и споёшь, и спляшешь.

– Довожу до вашего сведения, Джонатан, – процедил сквозь зубы инспектор-дознатель, – что я наделён самыми широкими полномочиями. Самыми широкими. Поэтому не будем валять комедию.

– Не будем. – Ёрническая искра промелькнула в томных очах Вовида. – Но мне нечего добавить к...

– Расскажите, – перебил его Каммерер, – желательно в подробностях, обстоятельства прибытия Гуруна на базу. А затем – убытия.

Ничего сверхинтересного, оказывается, в этих обстоятельствах не было. Это, оказывается, мы там, на Земле, при всяком ЧП начинаем бегать по стенам и заседать в Мировых Советах. А это, оказывается, Саракш, и прогрессоры – это прогрессоры. И гибнут они, вообразите, иногда. Но если очень интересно...

Инспектору Каммереру было интересно. Оказывается, сам момент прибытия он, Вовид, не наблюдал, но, по словам очевидцев, Гурун вывалился из бота прямо в форме имперского офицера, сплошь изгвазданный в грязище и кровище. Потребовал горячей ванны и гражданской одежды. Потом был осмотрен врачом базы Анной Лотошиной, которая и констатировала психический спазм. Далее был отправлен на Землю первым рейсовым – по его же личной и настоятельной просьбе. Вот и всё.

Я терпеливо слушал весь этот бред, хотя ясно же, что Вовид врёт и изворачивается. При этом плевать ему с высокой башни ПБЗ на мою грозную маску всемогущего инспектора. Или...

Что же такого успел натворить Лёвушка-рёвушка на Полярной базе? О! У инспектора Каммерера, оказывается, есть мнение на этот счёт.

– Джонатан, вы отправили на Землю не прошедшего рекондиционирование прогрессора? Неопределённое движение головой и бровями – мол, а ты чего хотел?

– Находящегося в состоянии психоспазма?

То же движение.

– И сделали это только потому, что он об этом попросил? Я могу поговорить с врачом Анной Лотошиной?

– Увы, не самое подходящее время. Она несколько нездорова.

Ахнуть бы сейчас кулаком по столу да рывкнуть: «В глаза смотреть, тараканья немочь»! Или хотя бы вот так...

– Вовид, кажется, ваш сын – практикант КОМКОНа?

– Да, а какое...

– Переводчик миссии народа голованов, – уже утвердительно сказал инспектор, а я мысленно перевёл дух.

Бедный, бедный Александр Б. Кто бы подумал, что у столь милого и любезного юноши окажется такой неразговорчивый родитель?

– Да, но какое отношение это имеет...

– Может быть, и не имеет. А может быть – наоборот, – я постарался выговорить сие как можно более многозначительно. И даже – весьма зловеще.

Проклятая профессия.

– Только не надо меня пугать!

Ага, вот мы уже и повышаем тон.

– Вы, – для убедительности инспектор Каммерер даже привстал и таки нет, не стукнул, но хлопнул ладонью по столу, – совершили должностное преступление, Джонатан. В итоге на Земле произошло несчастье. Серьёзное несчастье. Давайте договоримся – или вы сейчас выкладываете мне всё как есть, или я перетряхну вашу базу сверху донизу, но выясню правду! И если вы думаете, что я не сумею...

Лик Вовида внезапно сделался плаксиво-растерянным. Оказывается, Абалкин был шифровальщиком имперского военного флота (очень ценная, однако, информация). Оказывается он, Вовид, не знает более омерзительного государства во всей обитаемой Вселенной, нежели Островная империя на планете Саракш... А имперское адмиралтейство, говорят, самое омерзительное учреждение в этом государстве. Наши бедные прогрессоры из кожи лезут вон, пытаясь сделать эту клоаку хоть немного лучше, но клоака остаётся клоакой, а прогрессоры... прогрессоры делаются хуже. Да что там хуже – они становятся опасными. Да вы не понимаете, что такое имперский офицер на грани спазма...

Я не перебивал его – пусть выговорится. Ежу понятно, что все эти дни бродил в душе начальника базы ужас. Тщательно загоняемый внутрь, подальше от самого себя в первую очередь, а потом уж – от подчинённых. А теперь прорвало. Всё мне было уже понятно, но от понимания этого легче не делалось. И подумалось мне ни с того ни с сего: а на кой чёрт мы вообще занимаемся прогрессорством? В глобальном смысле. То есть помощь братьям нашим по разуму, развитие... Жизни кладём, наставляем, спасаем. И вот какая-нибудь тебе Островная Империя говорит: «О! Спасибо, друзья. Д-принцип? Давайте Д-принцип. Бластеры-скорчеры-лазеры? Давайте! Всё сюда давайте! А мы уж вам устроим десант группы космофлотов «Ц». Прямо на Землю-матушку. Ибо всё наше прогрессорство ещё ни разу не привело к появлению у аборигенов чего-то хоть отдалённо напоминающего Высокую Теорию Воспитания. И нет никаких признаков, что приведёт».

Шутки шутками, но столкнись Земля с цивилизацией развитой, но агрессивной, что тогда? Правда, все светила ксенологии, социологии, социократии и прочая, и прочая, утвер-

ждает дружно, мол, невозможно. Несовместимы, мол, высокое развитие и нехорошие наклонности. Только знаем мы случаи, когда и светила ошибались. Чисто умозрительно – это ведь воевать придётся. Никаких прогрессоров нам не хватит, если воевать. А с такими вот бойцами, как Вовид, много не навоюешь. Да и хватит цепляться к Вовиду. Человек как человек, разве что – в крайнем градусе нервного одушевления.

И лишь когда Вовид пошёл по третьему кругу, я произнёс:

– Одним словом, он вас вынудил.

– Пистолет. Имперский офицер с пистолетом – вы такое можете представить? Да на вас когда-нибудь наставляли оружие? Вы там, на Земле, понимаете, что это такое, когда движение пальца – и тебя нет?!

– На меня, Джонатан, не только наставляли, – негромко произнёс я. Уже не инспектор, а просто я. – Меня даже расстреливали.

Казалось, что начальник базы сейчас заплачет.

– Так вы...

– Я Каммерер.

Вовид лишь воздел очи горе.

Лев Абалкин, прогрессор нового поколения. «Лёва, вас убьют»! – «Это будет не так-то просто сделать». Ведь он был вооружён. Всё это время – и когда явился к Экселенцу, и когда вырубил меня на площади Звезды, и там, в музее, он был вооружён. Как ни странно, я испытывал сейчас что-то вроде облегчения. То, что произошло между Абалкиным и Сикорски, было скорее дуэлью. И, кстати, я слышал ТРИ выстрела... Что ж, теперь бы разобраться, что произошло между Абалкиным и Лоффенфельдом.

– Скажите, Джонатан, – произнёс я как можно мягче, – медосмотр Абалкина не выявил никаких... странностей?

– Да-да, сейчас. Я припоминаю... Аня сказала – странно, как он вообще мог работать. Но она была в шоке, я не придавал значения... Он убил кого-то? ТАМ?..

– Нет, не успел, – совершенно искренне ответил я.

– Слава небесам...

– Абалкин прибыл на персональном боте Тристана?

– Да.

– Какой тип доступа в такой бот?

– Дактилозамок.

– Но тело Тристана он не доставил. Как такое возможно?

– Я не знаю...

И я не знаю. Зато моментально нарисовалась картинка: имперский офицер отрезает у замученного им врача руку, небрежно засовывает во внутренний карман кителя... Нет. Тот Абалкин, которого я видел на Земле, никак не вяжется у меня с образом хладнокровного убийцы. А что скажет Экселенц? О, я знаю, что скажет Экселенц! Интересно, что сделал бы на месте Абалкина некто Странник? – спросит Экселенц. Да ладно – Странник. Как поступил бы на месте Абалкина некто Мак Сим, бывший кандидат в действительные рядовые Боевой Гвардии, а затем – штрафник тире смертник? Особенно если бы зачесалась в этот момент внутри его непостижимая программа Странников?

Пройдя километров десять по лыжне, я решил возвращаться. Всё уже ясно, и всё продумано. Без высадки с осмотром «места происшествия» не обойтись. По словам Вовида, Гурон работал без прикрытия. Что с точки зрения полевой работы было варварством и прошлым веком прогрессорства. Ближайший прогрессор резидентствовал на соседнем острове, в семи-стах милях от предполагаемого расположения штаба группы «Ц». И делу мог помочь не сильно, так как занимал почётную должность местного «вора-на-кормлении». Что это такое – пред-

стоит выяснить. А ещё надо взять пару гипносеансов островного наречия. Я его изрядно подзабыл. Да и знал, в общем-то, не шибко...

Документ 1 (продолжение)

Анизотропное шоссе

Завалившись на бок, Саул вытащил последнюю обойму. Теперь оставалось только ждать. Пёсий лай перемешался с выкриками командующих облавой офицеров. Саул понимал, что его обложили со всех сторон, что ему не прорваться, что этот мерзкий лай и эти похожие на лай выкрики были последними звуками в его жизни. А пожить ещё ох как хотелось. Хотелось услышать нормальную человеческую речь, женский смех, голоса детей, музыку, наконец. А ещё больше хотелось забрать с собой как можно больше врагов. Пусть этот хор смерти и для них станет последним, что им доведётся услышать. Саул поймал себя на том, что никак не может прицепить рожок к автомату. Что за чертовщина? Он поднёс обойму к глазам. Сумерки быстро сгущались, а в лесу почти совсем стемнело. Но даже в полутьме было видно, что это не обойма от «шмайссера». Это вообще невесть что – плоский параллелепипед, тёплый и шершавый на ощупь. На торце две чуть вогнутые пластинки. Одна тёмная, а другая мерцает неярким зеленоватым светом. «Мы создадим в районе вашего побега пассивное хронополе, – говорил незнакомец с личиной хефтлинга по кличке «Шизик». – Этот предмет называется активизатором. – Он показал Саулу штуковину, напоминающую рожок от «шмайссера». – Нажатием на светящуюся кнопку вы активизируете хронополе и переместитесь во времени почти на двести лет вперед». «А почему не сразу на тот свет?» – хмыкнул Саул, уверенный, что странный хефтлинг и его научно-фантастический бред ему только снятся. «Для своих современников вы умрёте», – ответил «Шизик». «В таком случае, – отозвался Саул, – перебросьте меня на фронт. В действующую Красную армию. Поверьте, шансов выжить у меня будет очень мало...» «Не могу, – покачал головой незнакомец. – У вас нет иного будущего, кроме того, что наступит через двести лет. Повторяю, для своих современников вы будете мертвы в любом случае. Вас застрелят при попытке к бегству!» – «Тогда не вижу резона меня спасать. Или вы всех будущих покойников так спасаете?» «Разумеется, нет, – ответил «Шизик». – Вас мы спасаем, потому что хотим поручить одно весьма важное задание». «Какое же, – поинтересовался Саул. – Драться с тамошними фашистами? Неужели и через двести лет будут фашисты?» «Нет, – ответил «ночной гость». – Через двести лет их точно не будет. Вернее, их не будет на Земле». «Где же ещё останется эта мразь?» – «На других планетах». «Так, понятно, – подобрался Саул, вернее, не просто Саул, а советский офицер Савел Репнин. – Выходит, я должен буду помочь потомкам в их драке с марсианскими фашистами...» «На Марсе нет фашистов, – сказал «Шизик». – Однако они есть на более далеких мирах. Но ваша задача не столько самому драться с инопланетными фашистами, сколько показать потомкам, что с ними – с фашистами – можно и нужно драться». «Выходит, разучатся потомки воевать», – вздохнул Саул. «Увы, – откликнулся незнакомец. – Так вы согласны?» «Отчего не согласиться, – сказал Саул. – Коли всё равно помирать... Так хоть с пользой...» «Отлично! – обрадовался «Шизик». – Иного ответа я от вас и не ожидал. Только учтите, на кнопку нужно будет нажать лишь при угрозе неминуемой гибели!»

– Выходит, это всё-таки не сон? – пробормотал Саул, разглядывая «активизатор». – Что ж, надо будет попробовать...

Он прислушался к звукам облавы. Группа, что двигалась с северо-запада была ближе всего. Саул уже различал отдельные фигуры, заметные на фоне закатного света, пробивающегося между стволами деревьев. Выбрав самого рослого фашиста, Саул прицелился и вдруг вспомнил, что в «шмайссере» нет рожка. «Ах ты ж...» Саул принялся шарить у себя на поясе. Вот же он! Не успел беглец прицепить рожок, как из кустов выскочила огромная овчарка и прыгнула ему на спину. Перекатившись, Саул стряхнул её с себя, стрёб активизатор и вдавил мерцающую пластину. Ослепительный полуденный свет ударил его по глазам...

Саул едва успел отпрянуть обратно в кусты. Шваркнув шинами на повороте, серебристый, каплеобразный автомобиль промелькнул, словно привидение лунной ночью. Беглец проводил его взглядом до следующего поворота и только тогда рискнул выйти на дорогу. Дорога была бетонная, из двух рядов серо-рыжих растрескавшихся плит. В стыках между плитами росла густая сухая трава. Это озадачило Саула. Серебристое видение, бесшумный двигатель – и заброшенная дорога, не отремонтированная уже много десятилетий. Бессмыслица какая-то. Совершенный транспорт и запущенные дороги. Нелепость. Впрочем, нет резона терзаться догадками. Как ни гадай, а представить, каким мир стал спустя двести лет, – вряд ли возможно. Уж точно не таким, каким его описывали в немногочисленных довоенных романах. Саул чувствовал себя мальчишкой, впервые самостоятельно выбежавшим за околицу. Ещё шаг – и перед ним откроется огромный, чудесный мир. Мир без подлости, обмана и насилия. Мир, населённый красивыми, умными людьми с чистыми душами и смелыми помыслами. Мешало лишь опасение, что вся эта история с побегом в XXII век может оказаться хитроумной провокацией Дейбеля. Правда, для провокации слишком громоздко и дорого. Дейбель обожал простые и экономные решения.

– Добрый день!

Саул вздрогнул, вскинул автомат и с трудом заставил себя снять палец со спускового крючка. Перед ним стоял обыкновенный мальчик, на вид тринадцати-четырнадцати лет, в шортах и клетчатой рубашке с короткими рукавами. Вот только игрушка в его руках сильно смахивала на средневековый арбалет, а за спиной висел колчан со стрелами. Бесшумный автомобиль. Заброшенное шоссе. Мальчик в клетчатой рубашке и шортах. Средневековый арбалет. Саул чувствовал, что сознание его куда-то уплывает, он лишь усилием воли удерживал его при себе.

– С вами что-то случилось? – спросил мальчик. – Вам нужна помощь?

Саул покачал головой, не в силах выдать ни слова. Он вдруг увидел себя со стороны, одетого в грязную арестантскую робу, стриженного под ноль, грязного, дурно пахнущего, со смертоносной железкой в руках, всё ещё сведённых судорогой испуга. А вот в серых глазах мальчика испуга не было. Немного удивления и много сочувствия к странному, несомненно попавшему в беду незнакомцу.

– Здравствуй! – Саул попытался улыбнуться, но тут же вспомнил про свои прореженные лагерной охраной зубы, и скривился болезненно. – Я... я археолог. Отстал от своих. Заблудился. И даже не знаю, какой сегодня день...

– Воскресенье, – ответил мальчик и добавил, видимо, на всякий случай: – Шестнадцатое июня две тысячи сто двадцать пятого года...

9 июня 78 года Анна Сергеевна Лотошина

Картинка на экранах внешнего обзора не отличалась разнообразием. Фосфоресцирующее небо вверху было почти неотделимо от подёрнутой туманной дымкой водной глади внизу, и казалось, что бот продирается сквозь серый вязкий кисель, а то и вовсе – висит в этом киселе неподвижно, словно по неосторожности угодившая в стакан мошка.

На встречу с «прогрессором номер два» Островной Империи, пресловутым вором-накормлении Труохтом Гнилозубом, в миру, то бишь на Земле, – Шарлем Эркьером, я вылетел, не особо надеясь на мало-мальски вразумительный результат. Вылетел на боте покойного Лоффенфельда, кстати. Невзирая на предупреждения «полярников», погрязших в махровых суевериях. Впрочем, прогрессоры и контактёры всегда отличались трепетным вниманием к приметам и традициям...

Кабина бота оказалась тесноватой. Помимо пилотского кресла перед пультом, в полусферический объём втиснули крохотную раскладную койку – видимо, для врачебного осмотра. Возле койки громоздились незнакомые медицинские приборы, среди которых, однако, обнаружился довольно мощный портативный ментоскоп. Скорее всего, регулярное снятие ментограммы Гурона и было главной задачей покойного Курта Лоффенфельда.

Никаких вещественных доказательств на борту не было и в помине. Ещё бы. Даже если «прогрессор нового поколения» и оставил бы таковые, персонал базы позаботился: бот обработан целой стаей киберуборщиков. Право слово, стадо ослов, а не база КОМКОНа-1.

Я снова полюбовался «киселём» на экранах. Кисель сделался непрогляднее: теперь бот шёл низко – в паре десятков саженей от океанской поверхности, в плотном тумане. «Мошка» опустилась ко дну стакана. А ещё я проложил ну очень обходную трассу. Лучше лишний час полёта, чем испытание огневой мощи имперской ПВО. С меня достало и его императорского высочества бомбовоза...

Врач Анна Лотошина оказалась высокой, худощавой и притом крупнокостной блондинкой с жиденькими, прилизанными в подобие причёски волосами. Невыразительное лицо её было бледно (последствия пережитого шока, отметил инспектор Каммерер), глаза, столь же блёклые и бесцветные, выделялись на нём лишь благодаря глубоким синюшным теням.

Разумеется, она готова была всё рассказать инспектору Каммереру. Более того, ей даже необходимо рассказать, вот так вот выговориться перед в общем-то посторонним человеком, это азы психологии. Вы ведь понимаете, что коллектив у нас маленький, все свои, почти семья...

Инспектор Каммерер, тёртый калач, выдавший всякие виды, моментально насторожился. Уж если женщина начинает рассказывать про то, что «мы все здесь одна семья», – жди адюльтера. Как минимум. Пока же он ограничился вежливым вопросом, является ли психология специализацией врача Лотошиной?

Оказалось, что таки да, в большой степени является, и именно по этой причине прогрессор Абалкин был направлен на освидетельствование именно к ней. У неё, у Анны Сергеевны Лотошиной, – полтора десятка публикаций по изменениям поведенческих модулей многократно рекондиционированного прогрессора. Инспектор сделал вид, что пропустил сей пассаж мимо ушей и поинтересовался, как же именно проходило пресловутое обследование Льва Абалкина?

Оказывается, никакого обследования-то и не было. Оказывается, Абалкин, оказавшись в кабинете врача, не мешкая, вынул оружие и, угрожая оным, объявил, что или он будет отправлен на Землю первым же рейсовым «призраком» или... Испугалась ли она? В тот момент ещё не слишком. Это планетарная база, инспектор, и тут случается всякое. Вот, например...

Инспектор Каммерер довольно бесцеремонно дал понять, что вполне можно обойтись и без не относящихся к делу примеров. Анна Сергеевна обиженно поджала узкие бескровные губы. Ну хорошо, вам, в конце концов, виднее. Она, Анна Сергеевна, попыталась успокоить разбушевавшегося прогрессора беседой, есть специальные методики на такой случай, однако безрезультатно. Абалкин потребовал видеосвязи с Джоки... в смысле с Джонатаном и повторил требования. Вот тогда она испугалась по-настоящему, поняла, что прогрессор убьёт не колеблясь. Почему? Тут странное дело. Она, Анна Лотошина, хорошо разбирается в психологии прогрессоров. Но Абалкин... Трудно объяснить неспециалисту, но тут какая-то ошибка. Ему нельзя работать прогрессором. Он не может быть прогрессором. У неё полтора десятка статей... Хорошо, не будем отвлекаться, вам виднее.

Далее? До рейсового оставалось более двух часов. Всё это время Абалкин говорил. Да, инспектор, именно: эти разговоры и послужили основой для вывода о психоспазме. О да, он был очень возбуждён. Большею частью речь шла о гнусностях Островной империи. Сперва он рассказывал, как все там следят друг за другом, как строчат доносы... Это ещё полбеды. Потом он начал живописать пытки. Пытки в разведке, пытки в контрразведке, пытки в Совете по моральному облику имперца... Это было ужасно, и тут она сорвалась. И тогда... тогда.

Тогда он ударил вас, подсказал бесчувственный инспектор Каммерер.

Ударил, да. Но это его как-то успокоило. Он принялся расспрашивать про голованов, про контакты Земли и голованов. Очень заинтересовался Миссией Народа голованов на Земле. Дело в том, что у Джоки...

Здесь инспектор Каммерер счёл нужным поинтересоваться. Разумеется, Анна Сергеевна может не отвечать на подобные вопросы, однако в интересах следствия... вы понимаете... какие отношения связывают её с начальником базы?

Отношения, да... вам виднее, впрочем, какое сейчас это имеет значение... это как раз связано... Дело в том, что Джоки боготворит своего сына. Вникает во все его дела. А сын как раз занимается голованами, он переводчик Миссии... И вот он настолько боится травмировать психику юноши, что никак не решится на развод с женой... Да-да, я о деле. Абалкин, услышав про Миссию, снова потребовал связи с Джоки. Нет, она не может сказать, почему она это всё ему рассказала. Синдром заложника – так это, если она не путает, называется. Инспектор, милый, хороший, одно дело теория, другое, когда на своей шкуре... Да, он выяснил местоположение Миссии на Земле. Щекн-Итрч? Не помню, кажется, что-то такое звучало. Потом они проследовали к «призраку». Нет, оружие он спрятал, но... Когда рейсовый стартовал, она потеряла сознание. Да, надолго. На несколько часов.

Вовида надо снимать к чёртовой матери, отчётливо подумал я, набирая на пульте пилотского бара комбинацию цифр. Начальничек. Вместо того чтобы немедленно сообщить на Землю о захвате заложника – ведёт посторонние разговоры с террористом. Когда всё заканчивается – бьётся в истерике над обесчувственной возлюбленной и лишь потом, спустя много часов, вспоминает о докладе и понимает, что поздно – Абалкин уже на Земле. И тогда Джонатан Вовид принимает позу страуса и ждёт, что всё рассосётся само собой. Гнать таких надо из КОМКОНа. В шею.

Я отхлебнул кофе из пластикового стакана – чуть не обжёгся. Дрянной кофе. Синтетик. И со снабжением у них не всё в порядке. Однако с одной загадкой разобрались: ясно, каким образом Гурон сумел разыскать Щекна-Итрча на Земле. Минус для теории Экселенца. А вот и плюс: это ж каким везением надо обладать, чтобы из двадцати действующих врачей базы нарваться именно на Анну Сергеевну Лотошину! С её запутанной личной жизнью. Нечеловеческим везением, подхватил бы Экселенц. И не везение это вовсе, добавил бы Экселенц, а работа программы Странников.

Я вспомнил листки из «заккураппии», и до меня вдруг дошло: «декабрь 70-го: планета Саракш, заключённый концентрационного лагеря». И через год с небольшим: «шифровальщик

штаба группы флотов «Ц». Это ж кем надо быть, чтобы из смертника, заключённого, выбиться в офицеры, да не просто, а в элиту, белую кость Островного флота. Это ж шифровальщик, имеющий доступ к важнейшим тайнам...

И при этом Лев Вячеславович Абалкин по психическому складу не может быть прогрессором. А значит... значит, он такой и есть – удачливый, контактный и... И, кстати, совсем мне уже не верится, что находился Абалкин на грани психического спазма, а не ломал комедию перед доверчивым специалистом в области многократного рекондиционирования.

Я допил остатки кофе, смял стаканчик, не глядя швырнул в утилизатор. Я чувствовал себя гончей, которой наконец, после долгих блужданий по лесу, удалось взять долгожданный верный след.

Допустим, что старик Бромберг прав. Саркофаг предназначался не нам, а для новой землеподобной грядки. Какие черты характера нужны кроманьонцу, первобытному человеку, дабы выжить в первобытных же условиях? Правильно, недюжинная, нечеловеческая, по нашим меркам, ловкость и смекалка, умение принимать мгновенные и притом верные решения, импровизировать на ходу. А всё это невозможно без такой тёмной материи, как интуиция. О которой до сих пор мало кто может сказать что-нибудь вразумительное...

И эти качества Лёва явил нам во всём блеске! И мне, и Экселенцу, и Анне Лотошиной. И очень интересно, что предъявил он несчастному Тристану? Очень.

Но и это ещё не всё. Если развивать гипотезу Бромберга, у первобытной трибы должна быть чёткая структура. Что мы знаем о подкидышах? Их тринадцать, восемь мужчин и пять женщин. Это объяснимо: мужчинам приходится рисковать, и они погибают чаще. Женщин, напротив, оберегают. Ещё племя не может обойтись без вождя, шамана, он же – лекарь, и воинов тире добытчиков. А Лев Абалкин к тому же обладает важнейшим качеством: он способен приручать и одомашнивать животных... В какой-то книжке я читал, что человечество начало выходить из примитивного состояния, только когда научилось приручать зверей. А ещё вспомнилось исследование, в котором доказывалось, что человечество произошло от одной особи женского и трёх особей мужского пола...

Нехорошее чувство возникло: словно подошёл я к краю бездны, но ещё не знаю, что это бездна, потому что глубина скрыта туманом, может, что и не бездна вовсе, а траншея, но надо эту то ли бездну, то ли траншею перепрыгнуть, а она широка...

Да, но человеческих детёнышей нужно оберегать, пока они не научатся выживать самостоятельно. Значит, после «заброски» подкидышей на планету к ним необходимо приставить... назовём их Воспитателями. А тогда... тогда таинственные знаки-иероглифы – всего лишь метки, по которым негуманоидные Воспитатели будут различать человеческих детёнышей и, соответственно, готовить к будущим ролям. Иероглиф «сандзю» – охотник, дрессировщик, даже – воспитатель диких зверей. Иероглиф «Эльбрус» – Корней Яшмаа, столь оперативно удалённый Экселенцем с Земли, пожалуй, Вождь. Интересно бы получить данные по оставшимся... Затребую, пожалуй, у Экселенца, чего уж теперь ему от меня таиться...

Или Воспитатели – не совсем негуманоиды? Возможно? Запросто. Даже, скорее, необходимо. Вот как бы это происходило на Земле. В племя неандертальцев, доказано же, что люди от них точно не произошли, не выяснено только, от кого – произошли, так вот, в племя неандертальцев подбрасывается выводок гомо сапиенс. Неандертальцы высокоразвиты, у них сложные погребальные ритуалы, культура. И умение выживать в суровом мире. И воспитывают они своих эволюционных могильщиков, различая их преимущественно по родимым пятнам на сгибах локтей... Почему воспитывают? А если предположить, что оплодотворённые яйцеклетки просто вживляются Странниками в утробы неандерталок?

Я ошалело помотал головой. Стоп. Хватит. Бредятина выходит. Хотя, здоровое зерно всё же есть. Сильная нестыковка тут лишь одна – пресловутая мистика в отношениях «подкидыш

– детонатор». Что это и зачем? Или детонаторы эти – вместилище пресловутых особых свойств подкидышей, свойств личности, то есть, говоря языком наших предков, – души?

По такому случаю я наколдовал себе ещё стакан кофе. Потому что туман в пропасти, в отличие от забортного, стремительно рассеивался, а я всё не решался на прыжок. Ибо, если точно знать, что все обитатели гуманоидных планет – люди, значит, ты, Максим Каммерер, легендарный Мак Сим, убивал на Саракше именно людей. Не просто братьев наших меньших по разуму – но людей. И услужливо память подсунула мне и лицо Воблы, и тех парнишек в танке, которые даже не успели понять, что их сейчас задушат голыми руками...

И вот тогда я запретил себе думать об этом. Вообще. По крайней мере – здесь и сейчас. Я запустил руку за отворот костюма-невидимки, в коий был облачён по случаю предстоящей полевой работы, и вытащил уже изрядно помятую брошюрку Бромберга. Кстати, есть версия, что сам Бромберг её и накропал. До цели ещё не менее часа лёту. Почитаем...

Документ 1 (окончание)

Анизотропное шоссе

Красный «рамфоринх» с бортовым номером ЦЩ-268 на днище плыл над чёрной громадой Литейного моста. Пассажир вертолётки ни за что не хотел упустить из виду юркий автомобильчик цвета «металлик», который все время норовил затеряться в пестром потоке своих собратьев. Хорошо, что «преследователь» догадался настроить навигационного киберкиборника именно на этот автомобильчик – каждый квазиживой механизм обладал индивидуальными характеристиками биополя. Наземное движение в городской черте было неспешным. Тот, кто спешил, мог воспользоваться вертолёткой, а если очень спешил – вакуум-метро, но для погони вертолёт подходил больше. Попискивал навигатор, извещая, что объект преследования остаётся в пределах досягаемости биолокаторов. Пассажир полулежал в кресле, дымил трубкой и мысленно прощался с городом.

На Ленинград с утра пролился запланированный дождь. И теперь город блестел чистыми прямыми проспектами и разноцветными крышами. Мосты соревновались с радугами. Окна встречали пробивающееся сквозь редящие облака солнце. Большая Нева, Фонтанка, каналы переливались перламутром отражений. Петропавловка, Зимний, Инженерный замок, Спас-на-Крови, Ростральные колонны, сфинксы и львы – и теперь, спустя два столетия, вся эта державная петербургская краса сохранила своё гордое величие. Ленинград был одним из немногих русских городов, почти не изменивших внешнего облика. Поэтому Саул переехал сюда, когда врачи разрешили ему покинуть Валдайский природный заповедник, превращённый в гигантскую психоневрологическую клинику без решёток и заборов.

Саул с иронией относился к своему «заточению в лечебницу для душевнобольных», как он это называл. Он был даже благодарен врачам, поместившим его туда. Шесть лет, проведённых на Валдае, помогли Саулу освоиться с новым миром. Дивясь столь редкому в XXII столетии заболеванию, сотрудники «лечебницы» научили его пользоваться Линией Доставки и радиофоном, обращаться с автоматами и киберками, открыли доступ в непостижимую электронную библиотеку, именуемую Большим Всепланетным Информаторием. В БВИ Саул проводил сутки напролет, а когда уставал – убегал в окрестные леса, питался ягодами, купался в тихих озерах. Думал. Надзор за «душевнобольными» был самый ненавязчивый. Каждый жил в отдельном коттедже, но при желании мог вволю общаться с соседями. Саул поначалу избегал общения с другими пациентами, пока не убедился, что они такие же мягкие, приветливые люди, как и персонал клиники-заповедника.

Когда Саулу захотелось «вернуться» в большой мир, он «вспомнил», что профессия его – историк, а специализация – XX век. Ему никто не стал препятствовать, и он переехал в Ленинград, поселился на берегу Финского залива в огромном, похожем на раздутый парус доме, в десяти километрах от исторического центра. Назвавшись груздем, полезай в кузов. И Саул начал упорно осваивать азы исторической науки, посещая лекции в университете, музеи и библиотеки. Как «специалисту», ему открыли доступ к соответствующим ресурсам в БВИ. Саул погрузился в историю фашизма. Он помнил «задание», которое получил от таинственного «хефтлинка» вместе с активизатором хронополя. Он тщательно готовился к тому моменту, когда его призовут на борьбу с инопланетными фашистами. Но время шло, а никто и не думал призывать бывшего «бронетанкового командира Красной армии Савела Петровича Репнина».

Мир светлого будущего жил по-своему сложной и бурной жизнью, но в ней не было схваток с врагами, горечи потерь и радости побед. Потери, понесённые в схватках с косной природой, не вызвали желания отомстить, а победы одерживались, главным образом, в сфере познания этой самой природы. Саул сочувствовал такой борьбе, но он-то был создан для другого! Некоторое время он надеялся, что ему дадут возможность поработать на планете Румата. На

Румате царило средневековые со всеми его зверствами и беззащитной эксплуатацией человека человеком. Планетой занимался Институт экспериментальной истории. Саул обратился туда с просьбой принять в ряды сотрудников, но ему отказали. Мягко, но решительно. Под предлогом несоответствия уровня его компетентности сложности изучаемых институтом проблем.

Да, уровень компетентности не соответствовал – Саул это хорошо понимал. Понимал, но не мог усидеть на месте. И тогда он решил бежать. Опять. На этот раз – с Планеты. И совершенно неожиданно открыл для себя, что в дальний Космос можно улететь запросто. Нужно только найти подходящий корабль. И сговорчивый экипаж. А заодно раздобыть оружие. Не «шмайссер», припрятанный в тайнике вместе с «рожкой» активизатора, а что-нибудь посовременнее, что-нибудь подходящее для необжитых миров. Такое оружие существовало. Саулу легко удалось это выяснить при помощи БВИ, но выдавалось оно только капитанам сверхдальних звездолётов. Осталось лишь повстречать такого капитана.

Воспоминание омрачило настроение Саула. Разумеется, тот славный, хотя и лысый как колено, парень не ожидал подвоха. Бывший заключенный № 819360 подкараулил его в парке, предварительно убедившись, что опечатанный пластиковый контейнер со скорчером находится у парня под мышкой. Один точный, отключающий сознание удар в шею – и всё. Парень обмяк, Саул с трудом удержал тяжеленное тело от падения. Доволок его до ближайшей скамейки, включил сигнал экстренного медвызова на радиобраслете и спешно ретировался. На выходе из аллеи Саул оглянулся и увидел белый «Огонёк» с алым крестом на борту, снижающийся над пустующей детской площадкой. Вскоре парень оклемается, и никто не станет укорять его за потерю скорчера, но с той поры совесть грызла Саула не переставая. А от неё не убежишь...

«Дорогие мальчики! Простите меня за обман. Я не историк. Я просто дезертир. Я сбежал к вам, потому что хотел спастись. Вы этого не поймёте. У меня осталась всего одна обойма, и меня взяла тоска. А теперь мне стыдно, и я возвращаюсь. А вы возвращайтесь на Саулу и делайте своё дело, а я уж доделаю своё. У меня ещё целая обойма. Иду. Прощайте. Ваш С. Репнин».

Мысленно повторяя собственную записку, Саул поднял «рамфоринх» и низко повёл над лесом. Руки не слушались, и он включил автопилот. Лететь недалеко, до ближайшего аэродрома. А там нужно лишь пересесть на пассажирский стратолёт.

Только бы не заметили, как мне плохо, – подумал Саул. – И не только от этого дурацкого гриппа... Ведь ничего не сумел и опять сбежал, как последний трус... Ладно, у меня ещё целая обойма... Главное, чтобы хронополе было. Как он там сказал: «Нажмите на тёмную кнопку. Это будет сигнал для нас. Мы создадим пассивное поле, а вы уж сами решайте – активизировать его или нет...» «Кто это «мы»? – спросил Саул, уверенный, что видит бредовый сон. И получил ответ: «Группа Сопротивления».

Вертолёт сел на пассажирскую площадку, едва не задев хвостовым винтом прожекторную мачту. Ночь набухла дождём. Прикрыв голову портфелем, Саул побрёл к чёрной блестящей ленте эскалатора, убегающего в глубь посадочного терминала. Беглецу опять повезло: информационное табло извещало, что рейс № 365 отбывает через десять минут. Пассажиров было мало. Саул занял свободное кресло и сразу же уткнулся в иллюминатор. Объявили старт. Едва ощутимая вибрация прошла корпус стратолёта. Кресло Саула медленно запрокинулось. За иллюминатором развернулась и канула во мглу величественная панорама ночного города. Стальной лентой обвивала его река.

Прощай, Ленинград, – подумал Репнин. – Прощайте, мальчики. Надеюсь, вы всё-таки поняли, что с фашистами надо драться. Где бы они ни находились...

Заключённый № 819360 лежал ничком, уткнувшись лицом в липкую грязь, у обочины шоссе. Правая рука его ещё цеплялась за рукоятку «шмайссера»¹.

– Кажется, готов, – с сожалением сказал Эрнст Брандт. Он был ещё бледен. – Мой бог, стёкла так и брызнули мне в лицо...

– Этот мерзавец подстерегал нас, – сказал оберштурмфюрер Дейбель.

Они оглянулись на шоссе. Поперёк шоссе стоял размалёванный камуфляжной краской вездеход. Ветровое стекло его было разбито, с переднего сиденья, зацепившись шинелью, свисал убитый водитель. Двое солдат волокли за подмышки раненого. Раненый громко вскрикивал.

– Это, наверное, один из тех, что убили Рудольфа, – сказал Эрнст. Он уперся сапогом в плечо трупа и перевернул его на спину.

– Крайцхагельдоннерветтернохайнмаль, – сказал он. – Это же портфель Рудольфа!

Дейбель, перекосив жирное лицо, нагнулся, оттопырив необъятный зад. Дряблые щёки его затряслись.

– Да, это его портфель, – пробормотал он. – Бедный Рудольф! Вырваться из-под Москвы и погибнуть от пули вшивого заключённого...

Он выпрямился и посмотрел на Эрнста. У Эрнста Брандта было румяное глупое лицо и блестящие чёрные глаза. Дейбель отвернулся.

– Возьми портфель, – буркнул он и горестно уставился вдаль, где над лесом торчали толстые трубы лагерных печей, из которых валил отвратительный жирный дым.

А заключённый № 819360 широко открытыми мёртвыми глазами глядел в низкое серое небо.

¹ Этот эпизод придуманной нами реконструкции биографии Саула мы без всяких купюр и изменений позаимствовали из повести А. и Б. Стругацких «Попытка к бегству». (Авт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.